

Идеи справедливости и свободы в философии Вл. Соловьева и современность

Павлов В. Л., Павлов Ю.В.

Философские труды Вл. Соловьева, равно как его поэзия и публицистика, насквозь пронизаны обеспокоенностью за будущее общества и человека. Чувство личной сопричастности и одновременно ответственности за изменения, происходящие в мире социального и индивидуального бытия, в большей или меньшей степени присутствует во всех работах этого неординарного мыслителя. С особой силой оно проявляется в идеях и взглядах, касающихся морали и нравственности, смысла жизни, высших ориентиров жизнедеятельности. Обнаружившаяся в ранней юности, активно проявившаяся в студенческие годы и в период творческой зрелости страсть к поиску высших истин, предельных целей и идеалов, постоянно подталкивала теоретика к продуцированию идей, которые, по его мнению, при условии принятия их на уровне общественного, коллективного и личного сознания, способны положительно влиять на уклад жизни людей, функционирование общества и государства, выбор стратегии общественного и личного бытия.

Хорошо осознавая личную ответственность субъекта за свою деятельность, Вл. Соловьев с особой тревогой говорит о царящих в социуме безответственности и несправедливости. Еще будучи ребенком, он с большой долей трагизма воспринял и пережил известие о ссылке на каторгу в 1864 году Н. Г. Чернышевского, рассматривая такое решение властей как глубоко несправедливое. Одной из важных форм утверждения справедливости между людьми, а также отношения государства к своим гражданам, мыслитель рассматривает прощение. В его понимании – это акт, имеющий одновременно как светское, так и религиозное звучание. И хотя призывы Вл. Соловьева к власти помиловать убийц царя Александра II закончились для него отстранением от преподавательской работы со студентами, идея христианского прощения не оставляет его внутренний духовный мир до самой кончины.

Прощение – специфическая форма бытия справедливости. Сфера ее действия довольно широка: от обмана – до преступления. Это «смягченная» справедливость. Прощение – уникальная человеческая способность, проявляющаяся в том, что индивид в состоянии подняться над своими обидами и горестями, войти в положение другого человека, причинившего их, понять мотивы его поступка и не жаждать возмездия, наказания. Здесь один субъект в своем сознании опускается на уровень другого субъекта, становится как бы равным ему. Чтобы простить, надо иметь благородную душу и большую силу воли. Если бы люди не умели прощать друг друга, они давно бы погибли, выясняя отношения в больших и малых сражениях – от бытового уровня до войн между государствами. Особым проявлением прощения является амнистия заключенных. Этот правовой акт используется во всех государствах мира. Широко распространено прощение в деятельности церкви. Отпущение грехов, так популярное в христианстве, своим содержанием имеет именно прощение. Мало кто не знает о так популярных в католических странах средневековья индульгенциях – особых бумажках, купив которые, согрешивший человек освобождался от божьего наказания.

Учение Вл. Соловьева о теургии – философский гимн свободному творчеству свободного человека, живущего праведно, т.е. справедливо. Если вслушаться в интонацию слова «справедливость», можно прочувствовать созвучие его слову «право». Имея разное содержание, термины близки по функциональной направленности. Предназначенность социальных феноменов, которые фиксируются посредством данных понятий, – обеспечивать соразмерность в распределении блага и зла между субъектами жизнедеятельности. Сосуществование индивидов, их различных объединений, социальных институтов и организаций, обществ и государств – это сложная система связей и отношений, в которой каждое действие субъекта имеет конкретное содержание и свою направленность и, в большинстве случаев, получает определенную оценку в рамках той социальной микро или макросреды, где оно свершается. Реакция бывает разной: быстрой или запоздалой, одобрительной или осуждающей, мягкой или жесткой, поддерживающей или запрещающей. Крайне важно, чтобы она

всегда была справедливой, т.е. соответствовала закону, как моральному, так и правовому, являлась адекватным воздаянием за свершенное. Известный всем лозунг «Наше дело правое – мы победим» – призыв к борьбе за справедливость. Действовать «по праву», защищать его – значит выступать на стороне справедливости. Здесь правое – не противоположность левого, а антипод несправедливого, т.е. всего того, что игнорирует, попирает, нарушает право. Справедливость – это и призывание, и способ утверждения права. По Вл. Соловьеву, справедливость означает «никого не обижать». Он рассматривает ее как важное правило человеческого общежития, ставя в один ряд с еще одним правилом – милосердием, «всем помогать». Теоретик считает, что оба правила вытекают из принципа альтруизма. Это разные стороны данного этического побуждения. «Нравственное начало в форме справедливости требует не материального, или качественного равенства всех субъектов, единичных и собирательных, а лишь того, чтобы при всех необходимых и желательных различиях сохранялось нечто безусловное и единое для всех – значение каждого как самоцель, т.е. как того, что не может быть сделано лишь средством для чужих целей» [1, с. 55].

Упоминание Вл. Соловьевым рядом со справедливостью равенства отнюдь не случайно. Оба эти образования – «одного поля ягоды». Они в равной мере существенно значимы в жизнедеятельности людей и общества. Рассуждая о равенстве, философ акцентирует внимание на то, что этот феномен связан с обеспечением субъекта «равных прав» на существование и развитие своих сущностных сил, независимо от того, кем является данный субъект – дикарем, гением или святым. «Дикий папуас имеет такое же право существовать и совершенствоваться в своей сфере, какое имели Франциск Ассизский или Гете – в своей. Уважать *это* право мы должны одинаково во всех случаях ...» [1, с. 169]. Равенство и справедливость – образования проблемного характера. Во-первых, они почти никогда не дарятся человеку по его желанию, не приподносятся на тарелке с “голубой каемкой”, а отстаиваются в нелегком споре, довольно часто завоевываются лишь в борьбе. Это состояния бытия, требующие постоянных усилий как в плане их приобретения, получения, так и отстаивания, защиты в

дальнейшем. Здесь очень важно не потерять достигнутое, все время чувствовать меру их присутствия в собственной жизни. Во-вторых, в жизни конкретных индивидов, разных социальных объединений, народов, государств, обществ можно выделить своеобразные пики актуализации вопросов справедливости и равенства. Это периоды, когда вопрос достигает уровня проблемы. В ее основании всегда лежит одно, несколько или целый спектр противоречий, нередко поднимающихся в своем функционировании до уровня конфликта. Потому-то не так уж редко справедливость и равенство утверждаются путем социальных потрясений: экономических и политических блокад, этнических и религиозных противостояний, вооруженных конфликтов, социальных революций и т.п.

Предельно сложной является взаимосвязь между справедливостью и равенством. В ней много опосредующих компонентов. Главный – это свобода, которую Вл. Соловьев трактует весьма специфически. Специально об этом – во второй половине статьи. Именно она выполняет функцию смыслообразующего ядра триады «справедливость-свобода-равенство». Первая и последняя ее составляющие могут претендовать на бытие лишь тогда, когда субъект жизнедеятельности обладает определенным минимумом свободы. Человек несвободный находится всегда вне морального и правового поля справедливости. Равенство для него – это равенство несвободы. Поэтому свобода – одна из базовых фундаментальных целей любого социального субъекта. Умело распоряжаясь ею, он в состоянии активно отстаивать свою позицию, в том числе в вопросах справедливости и равенства. «Абсолютная свобода – это насмешка над справедливостью. Абсолютная справедливость – это отрицание свободы. Животворность обоих понятий зависит от их взаимного самоограничения. Никто не сочтет свой удел свободным, если он в то же время несправедлив, и справедливым – если он не свободен» [2, с. 345].

Очень интересен и крайне сложен вопрос о том, является ли социальное равенство воплощением справедливости. Поскольку справедливость – сложное переплетение должного и сущего, желаемого и реально существующего, ожидаемого и бытийного, то она крайне редко проявляет себя как Абсолют, как

максимально полное, всестороннее воплощение должного на практике. Чаще всего справедливость, равно как и ее противоположность – несправедливость – обнаруживают себя частично, неполно, фрагментарно. Касательно оценки человеческих действий, особенно если речь идет о функционировании конкретных социальных институтов – правоохранительных органов, системы образования, армии, семьи и др. – обозначенная специфика довольно часто воспринимается людьми без одобрения, иногда с возмущением. Человеку свойственно желать как справедливого поощрения за деяния добрые, так и адекватного, по меньшей мере если не к себе, так к другим уж точно, наказания за деяния злые. Мера присутствия справедливости в общественных отношениях – важный показатель уровня их зрелости. Справедливость – своеобразный камертон, по силе звучания которого всегда можно ощутить, что в обществе довлеет – правда или ложь, честность или подхалимаж, искренность или демагогия. Поиск ответа на вопрос «справедливо ли равенство?» обязательно предполагает серьезный анализ оснований данных образований и специфики их взаимосвязи в историческом контексте.

В своих рассуждениях об авторитете веры и разума, по-разному проявляющегося в потоке исторического времени, Вл. Соловьев постоянно подчеркивает непреходящую значимость непосредственного бытия. Само бытие нельзя обмануть. С ним необходимо соотносить истины разума и веры, различные концепции справедливости, которых так много было в истории. Вместе с тем важно постоянно помнить, что бытие, индивидуальное человеческое и общественное прежде всего, в огромной мере зависит от развитости сознания субъектов, степени зрелости их духовного мира. Справедливость – важное средство преодоления душевных страданий и физических мучений, которых так много в жизни людей. В своих теоретических изысканиях великий русский мыслитель постоянно констатирует факт, что человеческая жизнь, как правило, далека от блаженства, тем более от совершенства. Наполнить ее истинным смыслом можно лишь тогда, когда субъект научится ставить перед собой значимые цели, выводящие его за пределы круга обыденности, поднимающие над ежедневной суетливостью и дающие уверенность в дне завтрашнем. Истинная

жизнь, по Вл. Соловьеву, – это постоянное развитие. На уровне человеческого бытия эффективность самого развития неотъемлема от культивирования в отношениях между людьми ответственности и справедливости.

Следуя философской традиции, начатой еще Платоном, Вл. Соловьев рассматривает справедливость как одну из важнейших («кардинальных») добродетелей человеческого общежития. Тремя остальными выступают воздержанность, мужество и мудрость. Думаю, не лишним будет напомнить, что в богословии выделяются три добродетели – вера, надежда и любовь. Философ выделяет *четыре* основных смысла справедливости. *Смысл первый* – справедливость как «... синоним должного, правильного, верного вообще – не только в области нравственной..., но и в области умственной (относительно познания и мышления)...» [1, с. 187]. В последнем случае справедливость – сродни достоверности, правильности, верности. На первый план здесь выдвигается гносеологический аспект отношения человека к миру, в том числе миру природного бытия. *Смысл второй* имеет нравственную окраску и предполагает «... признавать равно за всеми другими то право на жизнь и благополучие, какое признается каждым за самим собою» [1, с. 187]. В этом случае справедливость «стоит» практически рядом с жалостью. *Третий смысл* связан с проведением различия между степенями альтруизма, когда справедливость и милосердие имеют собственное звучание, свой оттенок. В данной ситуации справедливость означает «никого не обижать», а милосердие – «всем помогать». Такое различие, как специально подчеркивает Вл. Соловьев, имеет условный характер. Условность эта непосредственно связана с феноменом равенства. И справедливость и милосердие в своей основе имеют один и тот же нравственный мотив – «... признание чужих прав на жизнь и благополучие...» [1, с. 188]. Поскольку справедливость и милосердие – органически взаимосвязанные стороны альтруизма, то, несмотря на различие, их нераздельность выступает, по мнению Вл. Соловьева, «... как основание для внутренней связи права и нравственности, политики и духовной жизни общества» [1, с. 169]. *Четвертый смысл*: «Предполагая, что объективным выражением правды служат *законы* (государственные, церковные), неуклонное

следование законам вменяют в безусловную нравственную обязанность и соответствующее расположение к строгой закономерности или нравственности признают за добродетель, отождествляя ее со справедливостью» [1, с. 189]. При этом Вл. Соловьев, не без оснований, обращает внимание на то, что такая трактовка справедливости имеет право на существование лишь при условии надлежащей обоснованности самих законов. Она неоспорима, если законы имеют трансцендентное происхождение – от «Божественного совершенства» и может быть критикуема, если сами законы несовершенны – «... источник человеческих законов – источник смутный». «Прозрачная струя нравственной правды едва видна в нем под наносом других, чисто исторических элементов, выражающих только фактическое соотношение сил и интересов в тот или другой момент. Поэтому справедливость, как добродетель, далеко не всегда совпадает с легальностью, или правдой юридической, а иногда находится с нею в прямом противоречии...» [1, с. 189-190]. Содержание данной цитаты (написано более 110 лет тому) современно и сейчас. Достаточно лишь непредвзято проанализировать тексты многих законов, которые приняты нередко в угоду политической конъюнктуре. Вл. Соловьев в контексте вышесказанного поднимает актуальный во все времена, современность – не исключение, вопрос о легитимности – законов, власти, справедливости и мн. др. На вопрос, как поступать, если существует противоречие между несовершенным, нередко антигуманным законом и нравственной установкой индивида на правду, на добродетель, философ однозначно ответа не дает – «...справедливость – в смысле легальности, или формально – юридической закономерности поступков, – не есть сама по себе добродетель, а может становится или не становится таковою, смотря по положению» [1, с. 190-191].

Философ не случайно при рассмотрении духовного развития человечества проводит идею его направленности, устремленности к истине, добру и красоте. Эти три высшие ценности гносеологического, морального и эстетического освоения действительности концентрируют в себе своеобразный итог, всегда промежуточный, не имеющий окончательного завершения, активности человеческого разума и чувств. Имея конкретную смысловую наполненность,

каждая из названных ценностей в течении большего или меньшего временного отрезка в пределах определенных пространственных координат выступает в роли абсолюта, с которым соотносится, нередко соотнобразуется соответствующая действительность – познавательный процесс, нравственная практика, художественное творчество. Но обязательно наступает момент, когда один абсолюта преодолевается другим, более новым, адекватнее воспроизводящим действительность. И так постоянно. Иначе не было бы развития. Неизменным остается одно – обязательный факт наличия такого абсолюта.

У Вл. Соловьева справедливость неотделима от свободы. В этом он неоригинален. Такой подход к проблеме не просто распространен, он общепризнан не только в русской, но и в мировой философии. Своеобразие позиции философа – в самой специфике трактовки им свободы и в том, что теоретические рассуждения о взаимосвязи этих двух феноменов у него постоянно подкрепляются обращением к практике человеческой истории. Так, в небольшой статье «Три силы» он говорит о целых народах, поднимающихся в своем развитии до осознания свободы как высшего приоритета, условия максимально полной реализации своих прав и устремлений. Ограничение свободы субъекта независимо от того, кто это – индивид, группа людей, конфессия, этнос и др., а тем более ее попрание, как правило, – проявление несправедливости. Таких ограничений очень много в современном мире, где свобода очень часто ассоциируется с деньгами и вседозволенностью, а нарушение прав не только отдельных индивидов, но и больших объединений людей – от трудовых коллективов до этносов – стало нормой политики, права и морали.

В размышлениях философа о свободе превалирует ее отрицательная трактовка – свобода как независимость. Чем больше знаний имеет субъект, чем больше он познал действительность – тем независимее он от нее, тем больше у него степеней свободы. Однако, Вл. Соловьев свободу не абсолютизирует. Он ставит ее в зависимость от предназначения человека, которое, по глубокому убеждению теоретика, каждому определяет Бог. Как только человек это предназначение теряет, причин тому много, они имеют и объективную и субъективную природу,

он теряет и свободу. Тогда в свои права вступает хаос. Чтобы этого не случилось, каждый из смертных должен неукоснительно выполнять свое высшее предназначение – быть посредником между Богом и миром, своими действиями способствовать движению общества к богочеловечеству.

Философ хорошо понимал, что искушение свободой – одно из самых сильных искушений как для каждого простого человека, так и для власть имущих мужей. С особой силой это проявляется в свободе выбора. При этом свобода – всегда своеобразная «вещь в себе», природа которой, по большому счету, трансцендентна. Эта трансцендентность очень интересует мыслителя. У него свобода – важное условие нравственной деятельности субъекта. Но абсолютно свободным может быть лишь Бог. Человек же свободен лишь тогда, когда он «... сопричастен Божеству». Чем меньше эта сопричастность, тем больше поле зла и страдания, которое человек продуцирует. Вл. Соловьев оставляет за человеком право выбора меры данной сопричастности.

Приветствуя реформы российского царя Александра II, Вл. Соловьев проявляет себя как активный поборник предоставления широким слоям населения равных прав и свобод. Одновременно декларирует веротерпимость и межконфессиональное согласие. По его глубокому убеждению, общество может функционировать бесконфликтно лишь при условии, когда в нем господствует «свободное согласие всех». Это не просто условие, а нравственная норма бытия социума. Обретя свободу, человек избирает, тем самым, путь добра. Философ обращает внимание на внутреннюю взаимосвязь свободы, справедливости и ответственности. Граждане обязаны выполнять свой долг перед обществом даже тогда, когда они критически настроены по отношению к государственным институтам. Отношение между людьми – не просто взаимодействие «границ» свободы каждого из них, а взаимодействие «содержаний», которыми они располагают. Рассуждениями на эту тему Вл. Соловьев развивает учение И. Канта о категорическом императиве. По некоторым позициям он идет дальше немецкого философа, ибо призывает не просто видеть в другом такого же человека, как и ты сам, но и любить его. Любовь к другому – своеобразное продолжение твоей любви

к Богу. Только так люди могут достичь единства между собой и использовать его для достижения высокой цели – утверждения всечеловечества. Максимально полным воплощением свободы, по Вл. Соловьеву, является свободная теократия – такое состояние общества и государства, в котором реализуется единство личности и государства, государства и Церкви, власти светской и духовной.

Принимая во внимание религиозность Вл. Соловьева как человека и его серьезные теоретические изыскания в области теологии и религиозной жизни, нельзя не удивляться довольно жесткой критике им бытийности свободы, вернее отсутствия последней в рамках русской православной церкви. Открыто заявляя резко отрицательное отношение к византийским религиозным институтам, мыслитель утверждает, что в русской церкви отсутствует духовная свобода. Здесь господствует казенщина, а светская власть взяла верх над верой. Государство доминирует над церковью и поэтому свобода последней сильно ограничена. Как тут не вспомнить реальную историю взаимоотношений государства и церкви в дореволюционной России и в советское время, публично высказываемую в последние годы ведущими российскими учеными озабоченность по поводу вмешательства церкви в дела государства и светскую жизнь общества, непростую ситуацию во взаимоотношениях трех православных церквей в современной Украине и официальную позицию руководства страны о целесообразности формирования единой поместной церкви. Вл. Соловьев касался в своих работах очень сложных и одновременно болезненных вопросов функционирования религии и деятельности церкви в современном ему российском обществе и как будто предвидел сложную палитру православной религиозной жизни будущего. Критицизм его взглядов удивительно тонко сочетается с активным отстаиванием канонического православия, защитой прав и свобод как верующего человека в частности, так и православной церкви в целом.

Творчество Вл. Соловьева удивительно современно, несмотря на всю привязанность к эпохе, в которую жил и творил теоретик. Наверное, потому что вопросы, которые он ставил и обсуждал, в своем большинстве относятся к категории «вечных»: любовь, добро, зло, вера, свобода,

справедливость, ответственность, истина, красота и др. И хотя далеко не со всеми его идеями, взглядами, высказываниями можно безоговорочно или даже с оговорками согласится, он оставил после себя яркие, имеющие выраженную авторскую позицию труды. Читать их не совсем легко, еще труднее понимать, но они, как магнит, влекут к себе уже не одно поколение исследователей и просто почитателей его таланта.

Литература

1. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.1. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Loseва и А. В. Гулыги; Примеч. С.Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1990.
2. Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990.